

Государство и общество

Национальный вопрос во внутренней политике КНР: уроки и выводы для России

© 2011

А. Тулохонов, А. Рабогошвили

Ситуация в области национальной политики в КНР проанализирована авторами в сопоставлении с Российской Федерацией. Рассмотрены национальный состав, история формирования автономных районов КНР, а также меры, принимаемые китайским правительством по ускорению социально-экономического развития автономных районов. Указаны факторы, влияющие на консолидацию и дезинтеграцию этнически многообразного населения Китая. Констатируется практическая значимость для России китайского опыта в сфере национальной политики.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, национальные меньшинства, неханьские народы, национальная политика, автономное образование, устойчивое развитие

На наших глазах в современном мире сталкиваются и конкурируют множества вариантов и моделей общественного развития. Несмотря на захлестнувшую мир идеологию потребительского общества, основанную на всеобщей глобализации и унификации культур, во многих странах ориентиром для развития стала идея собственной уникальности, подразумевающая поиск национальной идентичности, а также пробуждающийся интерес к истории и традиционной культуре населяющих их этносов.

При этом народы и государства разделяются не только по религиозному или имущественному принципу. Даже в таких экономически развитых странах, как Канада, Великобритания, Италия, Испания время от времени проявляются сепаратистские настроения, переходящие в акции терроризма. Не случайно многие современные политологи проявляют интерес к трудам М. Ганди о принципах ненасилия, к классикам коммунистического движения, которые создали самые крупные федеративные государства, и сегодня определяющие мировой вектор развития. Последние события в Тибете и Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, национальные вопросы на Кавказе вновь напоминают политикам всех уровней о сложности развития многонациональных государств в современном мире.

Тулохонов Арнольд Кириллович, доктор географических наук, член-корреспондент РАН, директор Байкальского института природопользования СО РАН. E-mail: atul@binm.bscnet.ru.

Рабогошвили Артем Анатольевич, кандидат исторических наук, ведущий инженер Байкальского института природопользования СО РАН. E-mail: artem.imbt@yahoo.com.

В постсоветской России права коренных и малочисленных народов страны на национально-культурное самоопределение впервые были официально закреплены в Концепции государственной национальной политики (1996 г.). В настоящее время данная Концепция уже не в состоянии учесть все возникающие проблемы, а отсутствие единого уполномоченного органа в системе исполнительной власти (Министерство по делам федерации и национальностей РФ было упразднено в 2000 г.) приводит к неэффективности государственной национальной политики в нашей стране.

Наиболее крупным актом решения национального вопроса современной России стало исчезновение с карты страны автономных образований коряков, пермяков, эвенков, долганов, ненцев и двух самостоятельных бурятских округов. Соответственно, они лишились представительства в федеральных органах власти и других последних атрибутов властных структур. Вряд ли такая акция усилила вертикаль российской власти и ее экономику, однако она реально обозначила вектор решения национальных проблем и в том числе недоверие к местным кадрам в региональном руководстве. На этом фоне уже не удивляет демонстрация неонацизма на официальных телеканалах, участвовавшие случаи нападения скинхедов на представителей национальных меньшинств в крупных городах страны.

Как следствие, сокращение административных центров национальных округов на огромных просторах Урала, Сибири и Дальнего Востока привело к новому оттоку квалифицированных кадров, и в первую очередь, русскоязычного населения. Закрыты все представительства федеральных структур, сокращены услуги здравоохранения и образования. На этих территориях, где может поместиться несколько среднероссийских областей, местные жители при отсутствии транспорта вынуждены значительно дольше добираться до новых административных центров. Не надо быть крупным стратегом, чтобы понимать важность задачи заселения восточных окраин страны. К сожалению, за последние два десятилетия «демократизации» российские регионы за Уралом потеряли от 10 до 50% своего населения.

Между тем, в новых геополитических условиях все большее значение для международных контактов России будут приобретать национальные окраины, расположенные на границах с буддийской Азией. Успех социально-экономических преобразований в нашей стране во многом будет зависеть от того, насколько правильно государство расставит приоритеты в области национальной политики, создаст условия для консолидации всего многонационального населения, укрепит свои окраины, в том числе обратив внимание на проблемы жителей Сибири и Дальнего Востока.

В поисках рациональных решений необходимо более внимательно проанализировать опыт национального устройства в Китае, имеющего много общего с нашей страной. Как и Россия, Китайская Народная Республика является многонациональным государством, отличающимся преобладанием одной этнической группы: народность хань (ханьцы) составляет около 92% населения страны. Подобно нам, Китай пережил смену социально-экономических систем и успешно интегрировался в структуру мировой экономики, при этом государство в КНР сохранило ведущее положение в общественной жизни и в сфере межнациональных отношений. Руководство КНР уже в первые годы существования государства начало создавать автономные образования и уделять особое внимание развитию экономики национальных окраин, ориентируясь при этом непосредственно на опыт Советского Союза.

Национальный состав и территориальное деление КНР. В настоящее время официально признанными в Китае являются 56 этнических групп, среди которых неханьские народы составляют примерно 8,4% от всего населения страны. Среди них десять этносов обладают численностью от 2 до 16 млн чел., в то время как численность каждой из остальных признанных государством этнических групп не превышает 2 млн чел. За исключением ханьцев, к наиболее многочисленным относятся следующие народ-

ности Китая: чжуан — 16 млн, маньчжуры — 10,7 млн, хуэй — 9,8 млн, мяо — 8,9 млн, уйгуры — 8,4 млн, и — 7,8 млн, монголы — 5,8 млн, тибетцы — 5,4 млн, буййцы — 2,9 млн, корейцы — 1,9 млн чел.¹. Следует отметить некоторую относительность при определении числа национальных меньшинств в КНР, поскольку и в настоящее время часть народностей официально не признана властями. Известно, что основные группы неханьских народов Китайской Народной Республики проживают преимущественно на территории западных провинций страны и, в частности, в пяти автономных районах. Большинство автономных районов КНР было образовано в период с 1949 г. по 1965 г. Так, Синьцзян-Уйгурский автономный район был основан в 1955 г., Гуанси-Чжуанский и Нинся-Хуэйский — в 1958 г., Тибетский — в 1965 г.

Следует отметить, что в КНР существуют национальные образования различных уровней: автономные районы (АР), автономные округа (АО), автономные уезды и хошуны. К 1965 г. в стране было сформировано 29 автономных округов и 64 автономных уезда, так что 35 из 55 национальных меньшинств Китая имели свои собственные автономные образования. При необходимости в пределах автономных или административно-территориальных образований могли создаваться национальные волости, которые, однако, не обладали статусом автономного образования, но по логике решаемых задач могут быть в настоящее время отнесены к структуре районно-национальной автономии КНР.

Начиная с 1978 г., с приходом к власти в КНР правительства Дэн Сяопина, в стране возобладала либеральная политика по отношению к неханьским народам. В 1979 г. Коммунистическая Партия Китая и Госсовет КНР приняли постановление, утвердившее принцип равноправия по отношению ко всем народам Китая, а в 1980 г. правительство КНР обозначило восемь основных направлений национальной политики, в рамках которых важнейшее значение приобрела идея автономии для малочисленных народностей Китая. Конституция КНР (1982 г.) декларировала особые права национальных автономий, а в принятом в 1984 г. «Законе о районно-национальной автономии» речь велась о комплексном развитии экономики, социальной и духовной сферы на территории проживания национальных меньшинств. В настоящее время данный закон является краеугольным в области национальной политики КНР. Согласно ему, территории, на которой компактно проживают представители одного или более неханьских народов, может быть присвоен статус автономной единицы (провинциальной, окружной или уездной ступени)². В то же время, следует признать, что институт самоуправления национальных образований КНР носит во многом номинальный характер, а сами автономии являются проводниками официальной политики Пекина, подчеркивающей территориальную целостность страны и не допускающей собственных проявлений государственности в автономных образованиях. Так, очевидно, что все наиболее важные решения в сфере образования, медицины и семейного планирования на территории проживания национальных меньшинств принимаются при условии обязательного согласования всех нововведений с Центральным Правительством КНР.

Создание новых национальных автономных округов, уездов, волостей является одной из характерных особенностей национальной политики КНР в настоящее время. Так, к концу 2000 г. в Китайской Народной Республике уже насчитывалось 154 автономных образования различного уровня, среди которых пять автономных районов (равных по статусу провинциям), 30 автономных округов и 119 автономных уездов и хошунов. Кроме того, автономным статусом обладают еще 1256 автономных образования городского уровня, среди населения которых преобладают представители неханьских народов.

В целом, создание автономных образований в Китае основывается на следующих принципах: статус автономии получают 1) территория, в пределах которой проживают представители одного этнического меньшинства, значительно превосходящего по численности остальные народности, например, Синьцзян-Уйгурский автономный район; 2) территория, в пределах которой проживают в основном представители двух этниче-

ских меньшинств, например, монголо-тибетский автономный округ Хайси в провинции Цинхай; 3) территория, в пределах которой проживают представители нескольких этнических меньшинств, например, автономный уезд Луншэн в Гуанси-Чжуанском автономном районе; 4) территория проживания малочисленных народностей, входящая в состав более крупного автономного образования, например, автономный уезд народности яо Гунчен в Гуанси-Чжуанском автономном районе; 5) изолированные друг от друга территории проживания одного этнического меньшинства, например, Нинся-Хуэйский автономный район, Линься-Хуэйский автономный уезд в провинции Ганьсу и Дачан-Хуэйский автономный уезд в провинции Хэбэй³. Похожая ситуация с расселением характерна и для ороочонов — народа, родственного эвенкам и населяющего районы Большого и Малого Хингана. В настоящее время ороочоны проживают на территории Внутренней Монголии и на севере провинции Хэйлунцзян, преимущественно в городском округе (бывшем автономном аймаке) Хулун-Буир, где для них создан Ороочонский автономный хошун.

С 1952 г. в составе провинции Цзилинь существует Яньбянь-Корейский автономный округ, который является территорией компактного проживания этнических корейцев на Северо-Востоке Китая, а также единственным автономным образованием корейцев во всем мире за пределами метрополии. В настоящее время в состав Яньбянь-Корейского автономного округа входят 6 городов и 2 уезда. Особо следует упомянуть пограничное положение округа: на востоке он граничит с *Приморским краем* России (более 230 км общей границы), а на юге — с КНДР (свыше 520 км), при этом городу Яньцзи — столице автономного округа — присвоено звание «Китайская база по производству корейских продуктов питания и корейских предметов быта»⁴.

Далее рассмотрим территориальное деление и национальную структуру населения по пяти автономным районам КНР. Наибольшая доля коренных народов сосредоточена в Тибетском автономном районе, где тибетцы составляют 93% населения. Более половины населения (55%) составляют уйгуры в Синцзян-Уйгурском автономном районе. Тем не менее, не во всех автономных районах титульные национальности относятся к большинству: к примеру, народность чжуан в Гуанси-Чжуанском районе составляет 32%, в то время как хань — 63% всего населения, народность хуэй в Нинся-Хуэйском районе составляет 34% населения (хань — 62%), монголов во Внутренней Монголии всего 17% от всего населения (хань — 80%).

Название автономных образований может и не отражать численность коренных народов — их доля в общей численности населения может быть весьма незначительной. К примеру, в Баянгол-Монгольском автономном округе монголы по численности занимают только 4-е место (4,12%), в другом — Боротола-Монгольском автономном округе монголы также 4-е по численности (5,64%), табл. 1.

Таким образом, не всегда преобладание численности коренных народов является предпосылкой для образования автономных образований, в то же время некоторые малочисленные народы образуют национальные структуры по формальным признакам.

Особенности социально-экономической политики в национальных образованиях КНР. В постреформенный период Правительство КНР начало уделять особое внимание экономическим аспектам национальной политики. Так, одним из аспектов современной национальной политики Пекина является идея о том, что именно экономическое равноправие этносов является залогом их гармоничного сосуществования, поэтому государство обязано поддерживать, прежде всего, народности, проживающие в наименее развитых районах страны, создавая условия для преодоления экономической отсталости этих районов. Подобный подход характерен уже для нескольких поколений китайских лидеров, начиная от Дэн Сяопина и включая деятельность Ху Цзиньтао.

Таблица 1.

Национальный состав автономных округов Синцзян-Уйгурского автономного района, 2000 г.⁵

	Национальность	Автономные округа Синцзян-Уйгурского автономного района									
		Чанцзи-Хуэйский		Баянгол-Монгольский		Боротола-Монгольский		Кызылсу-Киргизский		Или-Казахский	
		численность	доля, %	численность	доля, %	численность	доля, %	численность	доля, %	численность	доля, %
1	хань	1 129 384	75,75	607 774	57,5	284 915	67,19	28 197	6,41	284 915	67,19
2	хуэй	173 563	11,64	52 252	4,94	19 053	4,49	—	—	—	—
3	казахи	119 942	8,05	—	—	38 744	9,14	—	—	53 145	12,50
4	уйгуры	58 984	3,95	345 595	32,70	53 145	12,53	281 306	63,98	38 744	9,10
5	монголы	6 062	0,40	43 544	4,12	23 927	5,64	—	—	19 053	4,49
6	дунсян	2 908	0,19	—	—	1 587	0,37	—	—	—	—
7	киргизы	—	—	—	—	—	—	124 533	28,32	—	—
8	таджики	—	—	—	—	—	—	4 662	1,06	—	—
9	дунгане	—	—	—	—	—	—	432	0,10	23 927	5,64
10	сибо	—	—	—	—	—	—	—	—	1 587	0,34
11	прочие	—	—	7 805	0,74	2 669	0,64	558	0,13	2 669	0,62

В Эвенкийском автономном хошуне эвенки составляют 6,63% и занимают 4-е место по численности, а в Ороchonском автономном хошуне ороchоны занимают только 6-е место (0,7%), табл. 2.

Таблица 2

Национальный состав автономных хошунов Внутренней Монголии⁶

	Национальность	Автономные хошуны Внутренней Монголии			
		Эвенкийский		Ороchонский	
		численность	доля, %	численность	доля, %
1	Хань	89 780	61,15	257 861	88,28
2	Монголы	27 517	18,74	12 045	4,12
3	Дауры	13 943	9,5	6 379	2,18
4	Эвенки	9 733	6,63	3 155	1,08
5	маньчжуры	3 775	2,57	8 743	2,99
6	Хуэй	1 400	0,95	1 038	0,36
7	Корейцы	235	0,16	633	0,22
8	Русские	159	0,11	37	0,01
9	Сибо	85	0,06	54	0,02
10	Ороchоны	78	0,05	2 050	0,70
11	Прочие	103	0,08	102	0,04

С начала 1980-х гг. государство в КНР разработало и реализовало целый комплекс мер, направленных на ускорение социально-экономического развития автономных районов. Одной из наиболее ранних мер явилось применение налоговых льгот для указанных регионов. Так, в районах проживания национальных меньшинств значительно снижен налог на сельское хозяйство, производство, торговлю, в том числе и приграничную торговлю. Кроме того, предприятия, основанные представителями этнических

меньшинств, освобождаются от налогообложения в первые три года своей деятельности. В последующее время в КНР были созданы особые фонды для оказания финансовой поддержки отстающим регионам страны, включая автономные образования национальных меньшинств. В 1980-х гг. Центральное правительство КНР выделяло значительные средства на борьбу с бедностью в Тибете, Синьцзяне и Внутренней Монголии. Так, в 1988 г. среди 331 уездов, отобранных для оказания финансовой поддержки Центральным правительством, почти половина относилась к автономным территориям национальных меньшинств. С целью стимулировать развитие периферийных районов страны, населенных в основном различными неханьскими народностями (уйгурами, тибетцами, монголами, эвенками и др.) в Китайской Народной Республике разработан план по развитию приграничных регионов страны на период с 2001 до 2010 гг. под названием «Зажиточные окраины, процветающие народы»⁷.

В рамках данного плана Центральное правительство КНР способствует формированию экономических взаимосвязей между относительно развитыми и отстающими районами страны. Так, процветающие приморские провинции и центральные города Китая должны оказывать всестороннюю помощь и поддержку соответствующим внутренним провинциям и автономным районам, в частности, посредством командирования своих специалистов, реализации совместных проектов, ведения совместной торговли.

Подобные двусторонние отношения завязаны между автономным районом Внутренняя Монголия и городом Пекин, Синьцзян-Уйгурским автономным районом и провинцией Шаньдун, Гуанси-Чжуанским автономным районом и провинцией Гуандун, провинцией Ганьсу и городом Тяньцзинь, провинцией Юннань и городом Шанхай, провинциями Шэньси и Цзянсу, Сычуань и Чжэцзян, Тибетским автономным районом и всеми остальными частями страны. Такое шефство напоминает наши первые пятилетки, когда промышленные центры страны направляли кадры на Урал, Кузбасс. «Двадцатипятидесятники» поднимали колхозы.

Для того, чтобы устранить существующее отставание в социально-экономическом развитии автономных районов и тем самым препятствовать росту социальной напряженности в регионе, в 2000 г. Правительство КНР запустило Программу развития западных территорий страны. По своему географическому охвату данная Программа объединила двенадцать административных единиц уровня провинций, расположенных в западной и юго-западной части Китая. Все пять автономных районов, а также некоторые автономные образования более низкого уровня на территории западных провинций КНР попали под действие данной Программы.

С начала реализации Программы государство значительно увеличило бюджетные ассигнования на развитие материальной базы западных провинций — с 22% в 1998 г. до 34,2% в 2002 г. Если в 1998 г. по объему финансовых вложений внутренние провинции КНР на 11,8% отставали от приморских, то к 2002 г. уже на 13% опережали их. С 2000 г. по 2003 г. государство инвестировало 200 млрд юаней на реализацию 50 мегапроектов в западном Китае, из которых 37 проектов связаны со строительством инфраструктурных сооружений. При этом протяженность дорог на территории автономных образований в КНР выросла за четыре года с 402 тыс. км в 1999 г. до 548 тыс. км в 2003 г., в то время как объем производимой электроэнергии увеличился со 143 до 224 млрд кВт. В результате реализации Программы развития западных территорий КНР существовавший ранее разрыв между внутренними и приморскими провинциями значительно сократился⁸.

Что касается развития отдельных автономных районов, то, например, на нужды Тибета в период 2001–2008 гг. Центральным Правительством КНР было выделено более 154 миллиардов юаней, что равняется примерно 93,7% совокупного бюджета Тибетского Автономного Района за данный период⁹. В 2007 г. Госсоветом КНР были утверждены 180 инженерных проектов на территории Тибетского автономного района, на реализацию ко-

торых в рамках 11 пятилетнего плана (2006–2010 гг.) должно быть выделено более 77 миллиардов юаней. В число проектов входит реконструкция аэропорта в округе Нгари, продление путей Цинхай-Тибетской железной дороги, а также мероприятия по улучшению качества питьевой воды и коммуникаций между населенными пунктами¹⁰. Более того, несмотря на произошедший мировой финансовый кризис, в ходе предстоящего пятилетнего плана (2010–2015) Пекин собирается выделить уже более 212 млрд юаней на социально-экономическое развитие всего Тибетского автономного района¹¹.

Огромную роль в социально-экономическом развитии Тибета сыграло открытие в 2006 г. Цинхай-Тибетской железной дороги. Первый участок дороги Синин — Голмуд, протяженностью 814 км в провинции Цинхай был пущен в эксплуатацию еще в 1984 г. Второй участок железной дороги Голмуд — Лхаса, протяженностью 1142 км строился в 2001–2006 гг. через труднопроходимые горные районы. Так, в самой высокой точке вблизи станции Тангла железная дорога поднимается на высоту 5072 м над уровнем моря¹².

В результате строительства этой самой высокогорной железной дороги в мире путь из Пекина в Лхасу стал занимать всего около двух суток. Кроме того, стала возможной интеграция развивающейся тибетской экономики в национальную экономику всего Китая. Только за первый год функционирования дороги 44 тыс. т тибетских товаров, среди которых украшения и ткани, тибетские лекарства, мясо яка, минеральная вода из нагорных источников на высоте 5100 м над уровнем моря, поступают на рынок по всей стране. Одновременно с этим 260 тыс. т товаров из других мест Китая завозится в Тибет. Другим важным событием в истории Тибета стал проект «Счастливое жилье», осуществление которого началось в 2006 г. Цель данного проекта — строительство жилья для тибетских крестьян и скотоводов, улучшение условий жизни бедных слоев населения¹³.

Не менее важным для Пекина остается развитие Синьцзян-Уйгурского автономного района, являющегося наибольшим по территории административным образованием КНР. По состоянию на 2009 г. на территории данного автономного района осуществлялось 170 ключевых проектов в области рационального водопользования, транспорта, энергетики, сельского хозяйства и строительства, включая проект управления водными ресурсами в Таримской впадине, строительство второй пассажирской линии Ланьчжоу-Синьцзянской железной дороги, магистрали Куйтун-Карамай, терминала международного аэропорта в Урумчи, дополнительной ветки трубопровода Запад-Восток. На осуществление данных планов Центральным Правительством КНР в 2009 г. было выделено более 90 миллиардов юаней¹⁴.

В последние годы проблемы устойчивого развития на территории национальных образований Китая все больше привлекают внимание как ученых из различных стран и разнообразных областей науки, так и представителей государственной власти КНР. Вследствие реализации Программы экономического развития западных районов КНР возросла нагрузка на экологическое состояние территорий проживания этнических меньшинств, возникла необходимость принятия мер по защите природной среды и тесно связанного с ней традиционного уклада жизни коренного населения данных территорий.

Существующие проблемы способствовали формированию нового подхода к управлению этническими территориями КНР, при котором власти автономных образований при поддержке Китайской Академии Наук способствуют возрождению традиционных знаний и практик этносов, а также стремятся учитывать их при реализации различных технических проектов и программ социально-экономического развития.

В качестве одного из возможных вариантов обеспечения устойчивого развития автономных районов КНР рассматривается этнический и экологический туризм. При этом наиболее перспективными с точки зрения развития данных видов туризма являются южные и юго-западные регионы страны (провинции Юньнань, Гуандун, Гуанси-Чжуанский и Тибетский автономные районы), население которых представлено различными народностями. Своего рода испытательной площадкой для развития экологическо-

го туризма в Китае в настоящее время может считаться район дельты реки Хуанхэ в провинции Шаньдун. Будучи одной из наиболее густонаселенных точек на планете (население всей провинции около 90 млн чел.), район дельты является также уникальным природным резерватом, нуждающимся в специальной защите. В этих целях в дельте р. Хуанхэ был создан особый экологический парк, в обслуживании которого принимает участие местное население.

Важным с точки зрения социально-экономического положения национальных меньшинств может стать также образование межпровинциальных туристических зон на юго-западе страны. Что касается Тибетского автономного района, то его удаленность от рынков сбыта делает нерентабельными многие другие отрасли экономики. В то же время определенным препятствием для развития туризма остается национальный вопрос, попытки политической изоляции верховного лидера тибетцев Далай-ламы XIV.

Рисунок 1. Эколого-туристический парк в дельте р. Хуанхэ

Следует отметить также серьезные меры, предпринимаемые китайским правительством для сохранения духовного и культурного наследия различных этносов страны. Так, с начала 1980-х гг. в КНР реализуется комплексная программа по учету и систематизации фольклора малочисленных народностей. С началом экономических реформ власти КНР в качестве важной задачи рассматривают развитие образовательных возможностей для населения автономных районов. Так, в Тибете с 1985 г. Центральное правительство проводит политику «бесплатного полного пансиона и обучения» для детей крестьян и пастухов. В рамках данной программы ежегодно с 2006 г. каждому школьнику из крестьянской семьи от государства выплачивается 1100 юаней дотации на питание, проживание и обучение. Наряду с поддержкой начального и высшего образования, государство прилагает немалые усилия по сохранению богатой культуры Тибета. В частности, с 1989 г. в Лхасе начался ремонт дворца Потала, а в настоящее время идет его второй этап¹⁵. Среди наиболее значимых привилегий неханьских народов Китая можно назвать их особые права на деторождение, а также льготы при поступлении в средние и высшие учебные заведения страны. В связи с этим многие молодые ханьцы пытаются доказать свою принадлежность к тому или иному национальному меньшинству, поскольку это открывает им дорогу в наиболее престижные университеты страны.

Состояние общества в национальных образованиях КНР. Как было отмечено, одним из ориентиров для построения гармоничного общества в Китайской Народной Республике является идея обеспечения равных возможностей и учета интересов различных групп населения. При этом именно социальная составляющая является, вероятно,

наиболее важной для обеспечения устойчивого развития Китая в новом тысячелетии. Несмотря на многочисленность и национальную неоднородность населения, идентичность всей китайской нации во многом обеспечивается благодаря единому историко-культурному наследию, объединяющему как доминирующих ханьцев, так и проживающих с ними монголов, маньчжуров, тибетцев и других народностей.

Важное значение для консолидации этнических групп КНР имеет распространенный у многих народов среднеазиатского региона культ Неба, а также заявляющий о себе с новой силой культ общего предка и покровителя Чингис-хана. На наш взгляд, повышение интереса к духовной культуре в китайском обществе за последние годы связано с возникшими в нем специфическими потребностями. Речь в данном случае идет об ответной реакции людей на внезапную дискредитацию тех или иных общественных идеалов, стремительное изменение привычного образа жизни, а также о потребности людей в мировоззренческих ориентирах, заполнении духовного «вакуума».

Согласно опросу, проведенному Китайской академией социальных наук в 1998 г., для большинства населения страны основными жизненными проблемами являются безработица (20%), высокие цены за медицинское обслуживание (19,2%) и низкий уровень доходов (18,2%). При этом экономические факторы накладываются на специфику религиозных отношений коренных народов многонациональных окраин¹⁶. В духовном отношении население западных провинций всегда больше тяготело к среднеазиатским странам, рассматривая себя, прежде всего, как часть «исламского мира», а также старалось поддерживать отношения с единоверцами за рубежом. Так, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе за последние годы заявили о себе некоторые исламские фундаменталистские организации, а волнения с участием уйгуров в данном автономном районе происходят практически каждый год. Этому есть ряд объективных причин — как память о собственной независимости и государственности уйгуров, так и активное заселение региона ханьцами, что является частью целенаправленной политики Правительства КНР.

В происходящих в Синьцзяне беспорядках китайские власти обвиняют организацию «Всемирный конгресс уйгуров», штаб-квартира которой находится в Германии. В то же время беспорядки в Китае периодически происходят также в Тибете и в некоторых регионах, заселенных преимущественно ханьцами. Рост их числа был отмечен еще до мирового экономического кризиса. Так, если в 1993 г. в КНР было зарегистрировано около 8700 случаев массовых беспорядков (включая забастовки), то в 2005 г. — уже около 87 000. Хотя чаще всего это локальные выступления, касающиеся лишь местных проблем (например, нарушение социальных прав работников в городах или земельные проблемы на селе)¹⁷.

На наш взгляд, в связи с изучением причин социальной напряженности в Китае заслуживают более глубокого научного анализа вопросы трансформации этнических территорий на границах КНР, влияния модернизации на образ жизни населения, значения традиционного природопользования и экологической этики коренных народов Китая. Важным направлением исследования ученых является также изучение духовной культуры различных этносов Китая и ее значения для создания новой экологической идеологии.

Как и Китай, Российская Федерация является многонациональным государством, на территории которого проживает более 100 национальностей. Следовательно, во-первых, национальный вопрос имеет такое же важное значение для России, как и для Китая. Во-вторых, на наш взгляд, обеим странам следует учитывать некоторые общие тенденции развития общества в XXI в., которые носят глобальный и объективный характер. Опыт перехода к рыночной экономике и адаптации населения к результатам модернизации во всем мире свидетельствует, что различные этнические группы в разной мере продвинулись на этом пути. Общее социальное и экономическое пространство, которое складывается в рамках того или иного государства, неизбежно ведет к трансформации

традиционных этнических территорий и поглощению культуры национальных меньшинств доминантной культурной средой. Вследствие этого возникает естественное стремление этноса к самосохранению, а среди его представителей усиливается национальное самосознание. Пример Китая, ежегодно инвестирующего огромные средства в развитие своих национальных окраин, свидетельствует о том, что материальные блага и современный образ жизни, привносимые ханьцами в современный Тибет или Синьцзян, все же не могут гарантировать полного благополучия в межнациональной сфере.

Вероятно, наиболее эффективным способом сохранения традиционной культуры народа, ее самобытности является изолированное существование этноса. Ярким примером тому является история шэнхэнских бурят, эмигрировавших после революции 1917 г. за пределы России и в настоящее время проживающих на территории Хулун-Буирского аймака в автономном районе Внутренняя Монголия. Несмотря на свою малочисленность, они полностью сохранили свой язык, национальные традиции и хозяйственный уклад. Более того, именно их скот ввезен для восстановления аборигенных пород домашних животных, приспособленных к суровым условиям Забайкалья, способных к пастбищу в зимних условиях¹⁸.

Вместе с тем, современный мир оставляет малочисленным народам мало шансов на самоопределение и установление собственной независимости. Политические и экономические реалии заставляют более бедные регионы зависеть от более богатых и благополучных. Неслучайно даже Далай-лама XIV признал экономическую целесообразность вхождения Тибета в состав Китайской Народной Республики: «это в наших интересах, так как Тибет не имеет выходов к морю и материально очень, очень отстает», — заявил он на пресс-конференции в США¹⁹.

Таким образом, национальная политика в Китае в равной степени решает задачи экономического развития периферийных регионов, роста численности населения, выравнивания уровня жизни некогда отсталых окраин, и в первую очередь, на границах с Россией и Казахстаном своими стратегическими партнерами.

В Российской Федерации национальные образования Азиатской России также экономически отстают от центра, стягивающего все финансовые ресурсы. Однако в стремлении сгладить разрыв в уровне экономического развития субъектов российское руководство изобрело собственный «рецепт» присоединения национальных автономий к соседним областям. При этом новые «прицепы» еще более ухудшили экономическую ситуацию новых объединений.

В отличие от Китая, сокращение населения и экономическое ослабление приграничных регионов Азиатской России имеет для нас далеко идущие стратегические следствия. В недавней истории эти задачи решались столыпинскими реформами, в результате которых на Дальний Восток переехало 4 млн безземельных крестьян. Это они, получив собственность, дольше всех сопротивлялись советской власти. Это они же воевали на Ханке и на Хасане, остановив японцев на восточных рубежах страны. Сотни тысяч молодых людей приехали в Сибирь и на Дальний Восток строить Кузбасс, Ангарские ГЭС, Зейскую и Буреинскую ГЭС, Комсомольск на Амуре, БАМ. Как не вспомнить классику: «Владивосток далеко, а город нашенский».

На сегодняшний день перед нашим государством стоят первоочередные задачи: преодоление демографического кризиса, развитие новых технологий, транспортных коммуникаций. Вряд ли они могут быть решены простым объединением регионов. Необходимо обоснованная политика в данной области, которая бы в равной степени отвечала экономическим и стратегическим интересам страны, сохранению больших и малых этносов как основы национальной стабильности России.

1. China Statistical Yearbook. Beijing, 2006. P. 108.

2. Чжунхуа жэньминь гунхэго миньцзу чжэнцэ фагуй сюаньбянь [Собрание законов и постановлений в области национальной политики Китайской Народной Республики]. Пекин, 1997. С. 123–127.
3. Цзян Пин. Чжунго миньцзу вэньти дэ лилунь юй шисянь [Теория и практика по вопросам китайской нации]. Пекин, 1994. С. 492–496.
4. russian.cri.cn/1001/2009/07/24/1s300455.htm.
5. 2000 Нянь жэнькоу пуча чжунго миньцзу жэнькоу цзыляо [Материалы государственной переписи КНР 2000 г. по национальному составу]. Пекин, 2003.
6. Там же.
7. *Lai Hongyi*. China's ethnic policies: political dimensions and challenges // EAI background brief. 2009, №. 440. P. 9–11. — www.eai.nus.edu.sg/BB440.pdf.
8. *Goodman D.* The Campaign to «Open Up the West»: National, Provincial-level and Local Perspectives. Cambridge, 2004. P. 8–9.
9. <http://tibet.news.cn>, 24.01.2010.
10. <http://www.gov.cn/jrzg/2008-03/25>.
11. http://russian.china.org.cn/china/archive/qingzang/node_2183419.htm.
12. Ван Цзитан. В новый век на скоростном экспрессе // Китай. Пекин, 2008. № 5 (31). С. 18–19.
13. Там же.
14. <http://english.mofcom.gov.cn/aarticle/newsrelease/commonnews/200907/20090706403404.html>.
15. Ван Цзитан. Что дали демократические преобразования народу Тибета // Китай. Пекин, 2008. № 5 (31). С. 12–17.
16. Юй Синь. Чжунго шэхуй инсы фэньси юй юйцэ [Анализ и прогноз в отношении китайского общества]. Пекин, 1999. С. 54–57.
17. Михайлов Н. Синьцзян, уйгуры и «распад КНР» // Интернет журнал «Рабкор.ру», 13.07.2009 г. — factnews.ru/article/07Jul2009_urumchi/
18. Тулохонов А.К. Политическая география и трансграничные отношения в Великой степи // Проблемы Дальнего Востока, 2008, № 3. С. 20–25.
19. palm.newsru.com/religy/19feb2010/dalai.html.